

Наталья Шегало

Перстень святителя
Зиновия и тайна отеля
Гранд Брианц

Наталья Шегало

**Перстень Святителя Зиновия
и тайна отеля "Гранд Брианц"**

«Автор»

2026

Шегало Н.

Перстень Святителя Зиновия и тайна отеля "Гранд Брианц" /
Н. Шегало — «Автор», 2026

Загадочный перстень Святителя Зиновия — артефакт, окутанный легендами: говорят, он исцелял любые хвори и даже спасал от проказы. Его след исчез со страниц истории. Но навсегда ли? Спустя столетия эхо давних событий отзывается в стенах отеля «Гранд Брианц», где хладнокровная офисная ведьма Эльга Моригл принимается за розыск пропавшего постояльца. Хорошо, что рядом с ней есть тот, кто легко раскрывает древние тайны - выходец из прошлого Гораций Доллах. Им предстоит сплести воедино прошлое и настоящее, магию и криминал. Что связывает древний перстень с сегодняшними событиями — и какую цену придётся заплатить, чтобы раскрыть эту тайну?

© Шегало Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16

Наталья Шегало

Перстень Святителя Зиновия и тайна отеля "Гранд Брианц"

Глава 1

Пролог

Нельзя с достоверностью утверждать, что перстень Святителя Зиновия действительно когда-то принадлежал этому замечательному человеку. Жизнеописание святителя сохранило для потомков память о чудесах, творимых им во славу Божию. Он воскрешал мёртвых, исцелял больных, изгонял демонов. Засохшие деревья рядом с ним зеленели, слепцы прозревали. За всё это после кончины благодарные сограждане с почестями упокоили его в родной Флоренции.

Зато определённо известно, что перстень этот впоследствии принадлежал семье Медичи, чья власть и богатство вызывали зависть далеко за пределами их родной Тосканы, вынуждая Флоренцию искать союзников где-нибудь подальше от итальянских берегов. Говорят, что, заключая союз с Францией, Лоренцо Медичи по прозвищу Великолепный подарил этот перстень королю Людовику XI. Король, как сейчас сказали бы, пытался вести здоровый образ жизни, ибо был крайне озабочен своими болезнями. И потому перстень, способный излечивать любые хвори, принял с благодарностью. Сомнения в чудесных свойствах подарка появились у короля позже, и высказал он их лишь единожды. Иных свидетельств о перстне не сохранилось, и дальнейшая судьба его неизвестна.

— Лоренцо, мы ждём тебя, чтобы выпить!

Высокий крепкий человек в тёмно-красном джорне, отороченном мехом, недовольный тем, что его потревожили, обернулся, и его глубокий, пронзительный взгляд впился в говорившего. Впрочем, при виде вошедшего гнев правителя Флоренции мгновенно улетучился: всеобщему любимчику и писаному красавцу Джулиано было позволено беспокоить брата в любое время дня и ночи.

— Ты скоро? — Джулиано, уже немного пьяный, вошёл в комнату и тут же сунул нос в дела старшего брата. — Что тебя задержало?

Лоренцо с некоторым неудовольствием снова открыл крышку небольшой, богато инкрустированной камнями шкатулки и вместо объяснений подал её брату.

Братья были похожи и непохожи одновременно. Оба были темноволосы, слегка выющиеся пряди старший стриг немного короче, тогда как у младшего они доходили до плеч. Но грубоватые, тяжеловесные черты старшего: крупный нос, широкий лоб, нависающие над глазами брови — вследствие властных забот редко оживлялись улыбкой. Даже друг и льстец Марсилио, с чьего лёгкого языка за старшим закрепилось прозвище *Magnifico*, никогда не утверждал, что оно относится к внешности. В младшем же Джулиано беспечность и живость молодости неожиданно превращала родовое сходство во всеми признанную красоту. Чтобы оценить резкую и необычную привлекательность старшего, нужно было приглядеться. Не заметить очевидную миловидность младшего мог разве что слепой.

Младший заглянул в шкатулку. В ней лежал крупный перстень.

— Ты хочешь его надеть? Надевай быстрее — и пошли!

Старший покачал головой.

— Я думаю о другом. Боюсь, мне придётся его подарить.

Джулиано перестал торопиться и, казалось, тут же забыл об оставленных в зале собутельниках. Он задумчиво осмотрел стол, заставленный изящными ларцами-реликвариями, и сел рядом, обозревая эти сокровища, которым предстояло стать дарами.

— Почему именно его? — беспечно спросил он. — Тут есть из чего выбрать.

Старший презрительно передёрнул плечами.

— Потому что наш венценосный брат Лудовико хочет непременно чудодейственный перстень! — с раздражением заметил Лоренцо. — Он и так уже стащил к себе в Плесси мощи всех святых, которые только смог раздобыть. Частицами плоти его не удивишь. Озабоченность здоровьем для монарха понятна, но в таком обострённом виде, клянусь Юпитером, смешна! Ему напели, что у него проказа! Он верит, что кольцо Святителя Зиновия защищает именно от неё.

Младший вытащил перстень и тут же надел его себе на палец, любуясь игрой света в камнях.

— Он же неодарённый, — усмехнулся он. — От перстня ему пользы, как от воды в море! Я бы не отдавал.

— Нам нужен этот союз, — строго заметил старший. — И наш Лудовико об этом знает. Джулиано снова посмотрел на перстень и перевёл хитрый взгляд на брата.

— Хочешь, я легко решу твою политическую проблему? — многозначительно поинтересовался он.

Старший на мгновение резко сжал губы, сдерживаясь, чтобы не отчитать Джулиано за легкомыслие, но уже в следующий момент поймал игривую искру в глазах брата и вдруг понимающе, с лёгким удивлением поднял бровь, слегка пораженный тем, что такая простая, но гениальная мысль пришла в голову не ему.

В следующее мгновение братья с полным единодушием расхохотались.

— Через две недели, — пообещал Джулиано, — у тебя будет ещё один прекрасный перстень. Лучше старого!

И они отправились пить вино и слушать «Стансы на турнир», которые обещал прочесть Анджело.

Месса в церкви Санта-Мария-дель-Фьоре через неделю после Пасхального воскресенья началась как обычно. Необычным было лишь то, что отслужить литургию должен был почётный гость — молодой кардинал Рафаэль Сансони Галеоти Риарио делла Ровере, возведённый в сан кардинала в шестнадцатилетнем возрасте лишь потому, что ему посчастливилось родиться племянником самого Папы Римского. Празднества в честь прибытия в город родственника Сикста IV тоже были устроены, как положено, поскольку пиры и охоты после окончания Великого поста уже не смущали чувств молодого кардинала. Однако церковный сан гостя требовал отдать должное не только светским забавам, но и делам духовным. По такому случаю, не рискуя выказать непочтение, в церковь съехались все знатные семьи города.

Джулиано нездоровилось: ныла нога, вывихнутая на охоте. То ли от ноги, то ли от неудачной охоты муторно и нерадостно было в душе. Но одно дело — пропустить пирушку в честь шестнадцатилетнего выскочки, и совершенно другое — не явиться на мессу, где свежее испечённый кардинал намерен показать всему городу своё благочестие. Стоя рядом с братом, Джулиано не столько следил за литургией, сколько поглядывал по сторонам, развлекая себя подсчётом присутствующих, когда холодная игла дурного предчувствия вдруг кольнула его в сердце. Он оглянулся на брата, по привычке ища поддержки своим страхам, но Лоренцо, полуприкрыв глаза, шептал слова молитвы. Юный кардинал поднял над головой святые дары, и в этот момент...

— Предатель!

Громкий, почти отчаянный вопль эхом отразился от сводов купола, умножаясь и разрастаясь вширь. Пред глазами Джулиано вдруг пронеслась страшная картина: заляпанные кровью

плиты собора, отчаянные крики, топот ног, блеск неизвестно откуда взявшейся стали. Кардинал обернулся к пастве, глаза Лоренцо широко распахнулись.

— Предатель!

Кто-то схватил его сзади за плечи, но Джулиано среагировал быстрее: изо всех сил он толкнул Лоренцо в сторону и белыми от ужаса губами беззвучно прошептал одно слово:

— Беги!

В следующее мгновение удар в голову навсегда погасил свет в прекрасных, так восхищавших юных прелестниц глазах младшего брата Лоренцо Великолепного. Он уже не успел увидеть, как в грудь Франческо Нори, заслонившего собой Лоренцо, вошёл другой кинжал, как выхвативший меч брат, зажимая ладонью рану на шее, теснил сошедших с ума людей, кидавшихся на него со злобой отчаянья и криками: «Предатель! Предатель!». Его молодое тело приняло на себя всю ненависть, накопленную врагами, и девятнадцать ударов кинжалом, бессмысленных и жестоких. Но та секунда предвидения, вспышкой блеснувшая в его прекрасной, запечатлённой на картинах художников голове, в конечном итоге всё-таки спасла одну жизнь. Просто эта жизнь была уже не его.

Бернардо Бандини, никчёмный отпрыск флорентийского аристократического рода и добровольный палач, наклонился над трупом, чтобы убедиться: ненавистный младший Медичи наконец мёртв. На лице убийцы не было ни ужаса, ни той бешеной одержимости, с которой только что, взмах за взмахом, опускалась вниз вооружённая кинжалом рука Франческо де Пацци. Кривая усмешка на миг исказила невозмутимо-равнодушное выражение лица Бандини, и, бросив быстрый взгляд по сторонам, он одним движением сдёрнул с пальца Джулиано ещё тёплый от крови крупный золотой перстень.

Глава 1. Пропади он пропадом!

— Госпожа Моригл, подойдите, пожалуйста, на ресепшн.

Голос Софии даже по телефону сохранял тот бархатный, мурлыкающий тембр, от которого млели постояльцы мужского пола. Казалось, что рот, из которого исходят такие звуки, всегда украшает приветливая улыбка, даже тогда, когда менеджер по размещению гостей не улыбалась. Не меняя тона, София ласково пояснила свою просьбу:

— У нас проблемы.

Госпожа Эльга Моригл тряхнула роскошной кудрявой гривой и решительно поднялась из-за стола, заваленного бумагами. Вправду говорят: урождённые ведьмы редко выбирают скучные офисные профессии, разве что когда их наследственный дар слишком слаб или не развит, что его практически нельзя использовать. Но даже в тех профессиях, где он неприменим, одарённая ведьма к зрелому возрасту всё равно умудряется устроиться на руководящих постах. Врождённая ведьминская интуиция в любой карьере делает своё дело незаметно, но эффективно. От затекшей спины и скуки, правда, она не спасает. Эльга с наслаждением потянулась. Рекламные буклеты отеля «Гранд Брианц» и должностные инструкции персонала ей надоели до рези в глазах, и она никак не могла заставить себя приступить, наконец, к финансовым отчётам. Намеченный на три дня план поработать с документами постоянно срывался.

«Что там опять? — раздражённо думала Эльга, стараясь с неторопливым достоинством руководителя миновать длинный коридор административного этажа, не сорвавшись на бег. — Как накаркал же Бауэр!»

Отбывая в краткосрочный отпуск и оставляя вместо себя на дежурстве госпожу Моригл, старый управляющий отмахнулся от её опасений.

— Что может случиться за три дня? Не переживайте, вы отлично справитесь. Вы ведь хотели настоящей стажировки? Вот и представьте, что это ваш будущий отель, и деваться уже некуда. И не вздумайте мне звонить! Дайте спокойно женить сына.

Повод для отпуска у старика был уважительный. А у Эльги, в свою очередь, имелась весомая причина согласиться: в ближайшем будущем она готовилась стать хозяйкой собственной гостиницы. Но опыта управления в гостиничном бизнесе у неё не было, и ради его получения, задействовав все свои связи в провинциальном Литультофе, Эльга и договорилась пройти стажировку в самом шикарном отеле для любителей пятизвёздочного загородного уединения. Несмотря на ходатайство из самой мэрии, управляющий Бауэр поначалу отнёсся к кандидатке настороженно: её предыдущий опыт работы в агентстве недвижимости никак не объяснял столь резкую смену специальности. Но, повертев в пальцах визитку ведущего эксперта правового департамента Эльги Моригл, украшенную гербом концерна «Виндиш-Вэльд», он всё-таки уступил, вероятно, осознав, что следующая просьба о стажировке долетит к нему уже из столицы. Однако в отношении личного помощника Эльги — Иштвана Боржека — Бауэр оказался непоколебим, и попытка пристроить на стажировку второго человека провалилась. Эльга не рискнула настаивать, решив, что более близкое знакомство с управляющим позже предоставит ей новый шанс. А пока вполне достаточно, что Бауэр уступил, пообещав сделать для неё всё возможное, однако предупредил, что учиться тут особо нечему, ибо тише места на земле не сыскать.

Жаль, что провидческим даром он не обладал. У Эльги такого дара тоже не было, иначе бы она сразу отказалась от почётного дежурства в роли заместителя. С одной стороны, она тут же воспользовалась отсутствием Бауэра, вызвала в отель Иштвана и заставила его разбираться с системой видеонаблюдения. Иштван Боржек раньше работал системным администратором в музее Литультофа, и она уже прикидывала в будущем взвалить на него всю цифровую инфраструктуру своей гостиницы. Но у отсутствия Бауэра была и обратная сторона: в эти два дня на саму Эльгу вдруг навалилось столько разных проблем, что её самообразование отошло на задний план. То на кухне испорченной оказалась вся партия свежих сливок, хоть шеф-повар и клялся, что накануне вечером сливки были в порядке. Эльга по телефону холодно отчитала поставщика и потребовала немедленно заменить весь молочный ассортимент, который лично и перепробовала вместе с шефом-поваром. То в холле третьего этажа треснуло прямо посередине огромное, ручной работы зеркало итальянского производства, сравнимое ценой с каким-нибудь захолустным деревенским домишкой в здешних предгорьях. Просмотрев запись камеры видеонаблюдения и не обнаружив на ней виновника трещины, Эльга приказала снять на замену подходящее по размеру зеркало с административного этажа. Жаловаться производителю не имело никакого смысла, она прекрасно знала, что услышит в ответ: дефект установки. Поэтому на сбой магнитных замков эвакуационных дверей того же третьего этажа Эльга пожаловалась с двойным раздражением. Прибывший по вызову мастер развёл руками, безропотно перепрограммировал все ключи и терпеливо продемонстрировал полную исправность оборудования сердитой госпоже Моригл.

Эльге очень не хотелось ударить лицом в грязь. Подчинённый персонал ещё смотрел на неё с некоторыми сомнениями, прощупывая границы гибкости нового руководителя. В своей способности подавить на корню любой бунт она не сомневалась, но самым лучшим исходом, тем не менее, считала отсутствие даже повода для применения оставленной ей на три дня власти. Поэтому, когда постоялица второго этажа робко пожаловалась на плесень у раковины, Эльга сдержалась. Принеся все положенные извинения, она переселила гостью в лучший из свободных номеров, а право карать и миловать горничных решила предоставить Бауэру, когда тот вернётся. Горничные горячо уверяли, что после уборки никакой плесени не было и быть не могло, но Эльга демонстративно, в присутствии виновных, сфотографировала угол с тёмными пятнами на плитке и приказала отдраить все свободные номера заново, а заодно проверить, по возможности не привлекая внимания, все занятия.

Ей тем более не хотелось провалить свою неожиданную аттестацию, что в отеле гостил Артур Виндиш, глава концерна «Виндиш-Вэльд» и первый владелец отеля, который, хотя и

продал «Гранд Брианц» шесть лет назад как непрофильный актив, но продолжал регулярно бывать в нём в качестве почётного постояльца. Когда он съехал сегодняшним утром, Эльга наконец слегка успокоилась, но, видимо, рано.

— Надеюсь, господин Виндиш ничего не забыл? — подходя к стойке, поинтересовалась она.

София прицельно-точным взглядом указала на двух посетителей, чуть поодаль ожидавших появления управляющего, а потом также безмолвно, но выразительно перевела глаза на свой монитор.

— Три чужих машины на площадке у отеля, — почти не шевеля губами, произнесла она. — Пятеро вошли в ворота на территорию. В холле — двое.

Глаз у персонала был намётанный, а инструкции по безопасности выполнялись неукоснительно. Эльга благодарно кивнула.

— Предъявите ваши документы, господа, — представившись, она перешла на сухой деловой тон.

Мужчины переглянулись. Старший, худой сосредоточенный брюнет лет пятидесяти в длинном сером пальто, вытащил из внутреннего кармана корочку, на секунду сунул Эльге под нос и тут же убрал. Младший, коренастый и плотный, с приплюснутым носом, документ из кармана достал, но предъявлять не стал.

— Помедленнее, офицер, — попросила Эльга. — Я не умею читать со скоростью света.

Тщательно изучив фамилии и звания, она удовлетворённо кивнула и, вспомнив о своих обязанностях, вернула на лицо вежливую улыбку, чтобы любезно поинтересоваться:

— Чем наш отель обязан уголовной полиции?

Старший по фамилии Брук спрятал удостоверение.

— У вас остановился господин Лихтнер. Мы хотим поговорить с ним.

Эльга с готовностью кивнула.

— Позвольте вам помочь, офицер Брук. Вы можете связаться с ним по телефону, и, если он пригласит вас подняться в его номер, я с удовольствием выделю вам сопровождающего, чтобы вы не заблудились.

— Мы и сами не заблудимся, — вызывающе сообщил второй. — Мы хотим знать, в каком номере он остановился.

Эльга смерила коротышку оценивающим взглядом и демонстративно расправила усталые плечи. Он явно взял с ней неправильный тон.

— Я не сомневаюсь в вашей ориентации на местности, — с холодной издёвкой ответила она. — Только в её законности. Позвольте пояснить. Это — частный отель. Мы очень ценим покой наших гостей и их право на уединение. Сюда приезжают, когда хотят отдохнуть от суеты, и мы уважаем желания своих постояльцев. Поэтому я настоятельно рекомендую вам связаться с господином Лихтнером, и, если он назначит вам встречу, я приложу все усилия, чтобы организовать её с максимальным комфортом. Если же он вам отказал, то, увы, я ничем не могу вам содействовать, по крайней мере пока вы не представите законных оснований для этого.

— Вы будете препятствовать органам правопорядка? — угрожающе начал младший.

Если он хотел какого-то сотрудничества, то ему определённо следовало сменить стиль общения. Впрочем, у него была не та весовая категория, чтобы выбить госпожу Моригл из её осознанного равновесия.

«Что может случиться за три дня?!» — посылая проклятия Бауэру, припомнила Эльга.

— Я буду препятствовать только в пределах закона, — клятвенно положив руку на стопку буклетов отеля, как на Библию, пообещала она старшему. — Поэтому спрошу: чья именно жизнь находится под угрозой в нашем отеле прямо сейчас? Не обвинён ли господин Лихтнер в тяжком преступлении? Не является ли он особо опасным преступником? Не скрывается ли он

от правосудия? Есть ли у него статус подозреваемого? В этом случае, господа, я настоятельно рекомендую показать мне судебный ордер.

Младший, униженный тем, что его игнорируют, угрожающе надвинулся на Эльгу.

— Вы тянете время, чтобы он сбежал? — прошипел он. — Имейте в виду, отель оцеплен.

Эльга вытянула руку и острым ногтем отодвинула наглеца подальше от себя.

— Если бы вы приближались к истинной причине вашего визита с такой же скоростью, как ко мне, — тихо, но твёрдо заметила она, — вы сэкономили бы массу времени. Предъявите ордер на арест.

— Его пока нет, — сдержанно ответил старший.

— Тогда извольте, пока его нет, стоять ровно.

— Передайте господину Лихтнеру, — приказал старший, — если он сегодня не побеседует с нами в качестве свидетеля, завтра ему придётся беседовать в качестве подозреваемого. Ему лучше добровольно спуститься вниз, не дожидаясь принуждения.

— Непременно передам, — пообещала Эльга, вытаскивая мобильный телефон. — Одну минуту.

Вероятно, офицеры ждали, что Эльга тут же сама позвонит гостю, и не подумали ей воспрепятствовать.

— Я так полагаю, — листая список контактов в телефоне, поинтересовалась Эльга, — раз начальник городского управления полиции, господин Максимилиан Эдер, не вошёл в отель вместе с вами, то, очевидно, он не в курсе происходящего, и его умиротворяющее присутствие будет здесь как нельзя кстати.

Услышав имя Эдера, старший поморщился. Эльга кивнула, принимая невысказанный комплимент: издевательски назвать присутствие Эдера «умиротворяющим» мог только хорошо знакомый с ним человек, а поморщиться — только тот, кто это присутствие хоть раз испытал на себе. Вся карьера Макса Эдера в её движении по нисходящей — от столицы до провинции — доказывала, что он всегда был очень неудобной занозой в любом руководящем кресле.

— Господин Эдер, — еле слышно пропела Эльга в трубку, опережая традиционно грубоватое дружеское приветствие своего абонента. — Вас беспокоят из отеля «Гранд Брианц». У нас возникли некоторые разногласия с офицерами столичной полиции. Да, из самой столицы. Да, пока без ордера. Вероятно, свидетель. Группа из пяти человек, не меньше. Нет, что вы, какие заложники! Да, если позволите, камера наблюдения номер пятнадцать в холле. — Она обернулась и пошевелила пальцами руки в сторону глазка камеры, посылая заодно явный и недвусмысленный сигнал Иштвану Боржеку, который наверняка сейчас находился в комнате охраны у мониторов. — Спасибо, буду очень благодарна. Мы вас ждём.

Она невозмутимо убрала телефон во внутренний карман пиджака и вновь с издевательски приветливой улыбкой повернулась к визитерам.

— Я смотрю, у вас хорошо налажена связь с полицией, — с досадой буркнул старший.

— Даже лучше, чем вы себе представляете, — подтвердила Эльга. — Поэтому присаживайтесь и позвольте угостить вас кофе. Господин Эдер будет тут не раньше чем через полчаса, и то, если поторопится.

Шесть лет назад, когда Эльга перебралась из столицы в осиротевший родительский дом в окрестностях Литультафа и сменила центральный офис на провинциальный филиал, её полезные знакомства в городе были весьма скудны. Комиссар полиции Максимилиан Эдер оказался в числе первых, с кем Эльга целенаправленно познакомилась, исходя из своих профессиональных интересов: безопасность и чистота сделок с недвижимостью, за которые Эльга отвечала, требовали налаживания контактов с местными правоохранительными органами. Но деловое обаяние столичной штучки госпожи Моригл неожиданно привлекло к ней внимание иного рода, на которое она вовсе не рассчитывала, но не отказалась воспользоваться. Макс Эдер заин-

тересовался её матримониальными планами. Однако, при всей его брутальной привлекательности, госпожа Эльга Моригл была слишком умна, чтобы ввязываться в проект, уже однажды оказавшийся провальным: наведя справки, Эльга узнала, что первая жена комиссара не выдержала плотности его рабочего графика и покинула свой пост. Женщине сложно принять раздражающий факт, что на первом месте у супруга всегда будет стоять не жена, а работа. В пару к одержимому борцу с преступностью требуется особый женский тип — с характером заботливым и склонным к беззаветному служению: мужу и его рабочим обстоятельствам. А таким характером госпожа Моригл похвастаться не могла. Поэтому, успешно уклонившись от порывистых, но эпизодических ухаживаний Макса Эдера, Эльга установила между ними ту комфортную для себя дистанцию, на которой дружба не грозит превратиться в любовную авантюру.

В роли друга Макс Эдер был куда привлекательнее, чем в роли мужа. Он был принципиален, непреклонен и резок, за что регулярно расплачивался неудачами в карьере. Он покинул столицу чуть раньше Эльги, приняв почётную ссылку в провинцию после затеянного им щекотливого расследования. Но и в провинции Эдер не утомился. В роли комиссара полиции небольшого городка он держался, как крепость в осаде: гасил внутренние бунты, отбивал внешние штурмы, но главное — беспощадно и почти круглосуточно ловил преступников и обеспечивал правопорядок. Лишнего времени на женщин у него просто не было. Зато в деловых вопросах Эльга нашла в нём большого профессионала и сама старалась при необходимости быть ему полезной, добровольно приняв на себя обязанности его консультанта в вопросах бизнеса. Взамен Эдер порой проверял отсутствие уголовного прошлого её клиентов — покупателей, продавцов, наследников недвижимости.

Эдера касалось всё, что происходило на его территории, и потому, набирая его номер, Эльга прежде всего хотела убедиться, что ему известно о визите федеральной полиции. София по её жесту уже спешила оказать всё положенное визитерам гостеприимство. Эльге нужно было хотя бы ненадолго переместить их подальше от ресепшн, чтобы они не пугали постояльцев. Под камерой видеонаблюдения они не рискнут проявлять лишнюю агрессию. Макс Эдер наверняка уже мчался в отель. И она не сомневалась, что гонит его не столько забота о ней (хотя их дружеские отношения были многим известны), сколько ревнивая обида, что кто-то из столицы вздумал совершать облавы на его территории без предупреждения, без его ведома и соизволения.

— Продолжим, — любезно предложила Эльга, передавая старшему чашку с кофе. — Как вы уже понимаете, я не могу без ордера пропустить вас дальше холла. Но вы можете сами связаться с господином Лихтнером и пригласить его спуститься сюда.

— Он не берёт трубку! — буркнул молодой.

— Возможно, он занят, — предположила Эльга.

— Целые сутки?

— Возможно, он отдыхает. Но если господин Лихтнер не желает разговаривать по телефону, вы можете подождать его тут. Однако, с учётом видеонаблюдения, я настоятельно рекомендовала бы не применять силовых методов: они могут испугать остальных постояльцев. София, будьте любезны, позвоните в номер господина Лихтнера и узнайте, известно ли ему о посетителях.

София, не успевшая ещё отойти от столика с пустым подносом, вернулась за стойку.

— Он не отвечает, — сообщила она.

— Значит, его нет в номере, — констатировал старший. — Теперь мне придётся запрашивать ордер на обыск всего отеля. И если он сбежал, пока вы нас тут задерживаете...

— Насколько я успела заметить, — по-прежнему с ядовитой обходительностью произнесла Эльга, — ваши люди контролируют выход. Сбежать тут можно только через центральный вход, с остальных трёх сторон ниже и выше нас — отвесная скала. А господин Лихтнер, с учётом его возраста и веса, не похож на любителя альпинизма.

У младшего пискнул телефон. Он быстро проверил сообщение и торжествующе сообщил:
— Нам разрешили его принудительно доставить. Ордер уже выслали в управление Литулькофа для исполнения.

Старший решительно поднялся, но Эльга не тронулась с места.

— Не торопитесь, — невозмутимо посоветовала она. — У меня нет оснований вам не верить, но исполнять ордер будет тот, кто его предъявит. Мы дождемся господина Эдера.

— Мы что, будем сидеть и ничего не делать? — с возмущением начал младший, обращаясь к старшему.

— Нет, конечно, — уверила его Эльга. — Я лично совершу массу подготовительных действий. Например, выясню, где именно находится господин Лихтнер. Однако до приезда комиссара Литулькофа я не смогу поделиться этой информацией с вами. Прошу меня простить.

И она поднялась.

— Если мы не найдём его в отеле, вам может быть предъявлено обвинение в пособничестве и укрывательстве преступника, — предупредил старший.

Эльга с лёгким изумлением приподняла бровь. Если переговоры подошли к рубежу лёгких угроз, то она не собиралась оставлять удар без ответа.

— Пока что свидетеля, насколько я успела понять, — возразила Эльга и добавила: — Мы все обязаны строго выполнять свои должностные инструкции, и за это ни вам, ни мне ничего не может быть предъявлено. Порядок вам прекрасно известен. Но на всякий случай хотела бы сразу предупредить: не стоит устраивать шум там, где можно действовать тихо. Репутация отеля — очень дорогой коммерческий актив, нанесение вреда которому может вызвать значительные убытки, покрываемые за счёт государственной казны.

Она отошла к стойке, где рядом с Софией уже столпилась небольшая группа работников, ждущая распоряжений. Обеспечив соблюдение порядка среди атакующих, Эльга теперь должна была позаботиться об обороняющихся.

София, успевая посылать приветливые улыбки изредка проходящим мимо гостям, сообщила:

— Ключ-карта гостя находится внутри номера и вставлена в энергокарман, а электрическая цепь замкнута.

Эльга кивнула, принимая информацию к сведению.

— Томаш, поднимитесь на этаж и побеспокойте господина Лихтнера лично, — приказала она. — Сообщите ему о ситуации. Если у него возникнут затруднения с вызовом адвоката, — Эльга обернулась к Софии, которая уже держала в руках нужную визитку, — передайте ему, что отель рекомендует воспользоваться услугами самого опытного юриста в Литулькофе.

Она на секунду замолкла, понимая, что и ей, и всем остальным уже очевидно: ситуация не разрешится так легко, — и продолжила:

— Если вам не ответят, ни в коем случае не входите в номер один. Лучше позвоните господину Лихтнеру на мобильный и проверьте, слышен ли звук телефона внутри номера. София, выясните, была ли сегодня утром уборка в номере Лихтнера и кто её выполнял.

— Уже выяснила: утренней уборки не было, — с готовностью пояснила София. — Последняя уборка была вчера. Убирала Анна Градишек. Она сегодня во вторую смену. Будет через сорок минут. На дверях номера сейчас висит табличка «Не беспокоить». Поскольку двадцать четыре часа не прошло, никто из персонала сегодня утром в номер не входил.

Одна из молодых горничных, не удержавшись, в испуге по-детски прикрыла рукой рот. Невольный жест лучше всего озвучил невысказанную мысль. Эльга метнула на виновницу резкий взгляд.

«Моему дежурству не хватало только трупа!» — в сердцах выдохнула она, но промолчала.

Оставалась ещё надежда, что господин Лихтнер, не желающий отвечать на звонки, откроет дверь Томашу. Но когда через несколько минут София сняла трубку и, выслушав доклад, отрицательно покачала головой, Эльга сжала зубы от дурного предчувствия. Подавив порыв лично куда-то бежать, она заставила себя руководить розысками из-за стойки, оставаясь в прямой видимости двух офицеров, не спускавших с неё глаз. Эта видимость могла стать лучшей защитой от любых обвинений, а телефонные разговоры персонала, запись которых непременно будет затребована в случае смерти постояльца, только подтвердят добросовестность её действий.

До приезда Эдера Эльга успела провести собственное расследование. Охранник по её распоряжению успел обойти все общественные зоны и удостовериться, что Лихтнера там нет. То же самое подтвердил Иштван по камерам наблюдения. Из ресторана ей доложили, что накануне в номер был заказан ужин на две персоны, и, поскольку в одной персоне официант узнал Артура Виндиша, сомелье немедленно отправил вдогонку к ужину бутылку коллекционного коньяка из личных запасов.

Имя Виндиша Эльгу как-то успокоило. Конечно, отпрыски старинной аристократии тоже были смертны, но они были, как правило, респектабельно смертны — достойно и без скандалов отходя в мир иной. Она надеялась, что Виндиш, осмотнительный в своих связях и знакомствах, определённо не стал бы пить любимый коньяк с человеком, чья репутация в ближайшее время предстояло быть запятнанной принудительным приводом в полицию. И есть шанс, вскрыв дверь номера, ко всеобщему облегчению найти господина Лихтнера крепко спящим после дружеской попойки — возможно, слегка помятым или страдающим от похмелья, но вполне благополучным.

Когда в отель влетел, как всегда, голодный и злой Максимилиан Эдер, Эльга уже почти смирилась с обстоятельствами и принялась продумывать варианты минимизации ущерба для разных вариантов разрешения ситуации. К прибытию Эдера у неё уже был готов горячий кофе и пара бутербродов.

— Я привёз ордер, — буркнул он, едва поздоровавшись с офицерами.

— Очень оперативно, — похвалила его Эльга, чем предсказуемо вызвала желчный оскал на лице своего друга.

Он смерил коллег недовольным взглядом.

— В следующий раз извольте заранее ставить меня в известность о своих планах, чтобы я не нёсся к вам на задержание с ордером в зубах. Возраст у меня уже не тот, чтобы быстро бегать.

Макс Эдер, никогда не упускавший случая лично поучаствовать в какой-нибудь облаве, любил при случае козырнуть приобретённой на нервной работе сединой.

Эльга кратко пересказала все собранные факты и демонстративно извлекла из кармана магнитный ключ управляющего от всех дверей. Столичные визитеры впервые посмотрели на неё с некоторым уважением.

— Следуйте за мной, господа, — вежливо пригласила Эльга.

— Мы пойдём одни, — оборвал её старший. — А вас я попрошу убрать лишних людей с этажа.

Эльга покачала головой.

— Как представитель администрации отеля я имею право и даже обязана присутствовать при вскрытии номера.

Выходя из лифта, Эдер грубовато придержал Эльгу за локоть.

— Держись-ка сзади, дорогая, — предупредил он. — И без подвигов! А то твой ручной василиск меня в камень превратит.

Эльга улыбнулась шутке, понятной только посвящённым. Макс Эдер был одним из немногих, осведомлённых об особых способностях госпожи Моригл и о том, в каких отноше-

ниях с «ручным василиском» находится урождённая ведьма. В свою очередь, госпожа Эльга Моригл тоже была отлично осведомлена, какие остатки ревности заставляли Макса Эдера употреблять пренебрежительные прозвища, скорее подходящие для домашнего фамильера, к человеку, занявшему рядом с Эльгой место, на которое когда-то претендовал сам Эдер. Спустя полгода после знакомства с Горацием Доллахом комиссар полиции наконец принял тот факт, что сам он — не единственный мужчина, способный её защищать. И это был, пожалуй, самый незначительный факт в череде тех, что пришлось принять скептику и прагматику Максимилиану Эдеру.

Недавно его незыблемый материальный мир едва не рухнул под натиском явлений, которые непосвящённый человек обычно причисляет к миру потустороннему. На вверенной комиссару территории, где и без того, по его мнению, беспорядка было достаточно, жили, функционировали, а главное — совершали преступления не только обычные граждане, но и те, кто, как Эльга Моригл, тщательно скрывал свои неучтённые способности от окружающих в целом и от правоохранительной системы — в частности. Хуже того, эти одарённые граждане ещё и несанкционированно перемещались на вверенную ему территорию неизвестно откуда! Пока что такой случай Макс Эдер зафиксировал только один, но какой! Мало того, что Гораций Доллах некоторое время успешно маскировался под местного жителя, водя за нос самого комиссара полиции чужим удостоверением личности, так в итоге он ещё и заявился в Литультоф без маскировки. А также без документов и без малейших следов предыдущего существования в реальности, материализовавшись из ниоткуда и предъявив в качестве прав на присутствие только двухнедельное знакомство с Эльгой Моригл, зарождающуюся дружбу с самим комиссаром и свои невероятно пугающие сверхъестественные способности.

Столкновение с новым, неучтённым миром не прошло для Эдера даром, но путь от подозрительного недоверия до признания фактов он преодолел довольно быстро, как ни странно, именно благодаря своему здравому прагматизму. То, что у других вызвало бы суеверный страх или восторженное удивление, для комиссара полиции Литультофа неожиданно стало лишь ещё одним рабочим инструментом, пригодным для решения должностных задач. Раньше он частенько обращался к Эльге за консультацией в коммерческом праве. Но стоило ему убедиться в эффективности особых дарований Горация Доллаха, именно в нём Эдер нашёл теперь уникального эксперта там, где не могла разобраться ни одна криминальная лаборатория.

Со стороны могло показаться, что двое таких разных по натуре мужчин не могут сдружиться, но Эльга своим внутренним чутьём безукоризненно и точно уловила одну общую черту, которая стала гарантией этой грубоватой и отягощённой соперничеством дружбы. Это было непримиримое, обострённое и бескомпромиссное чувство справедливости, которое во все времена и в любом мире очень дорого оплачивалось. И каждый из двоих был готов платить сполна. Именно Эдер помог Горацию Доллаху с удостоверением личности, без которого легализовать в современной реальности выходца из потустороннего мира было невозможно. Впрочем, за полгода она лично убедилась, что для Горация Доллаха невозможного в этом мире мало.

— Кстати, — шёпотом поинтересовался Эдер, пока они шли по коридору к номеру, — почему Гор ещё не тут? Ты ему не позвонила? Я был уверен, что он примчится сюда раньше, чем я.

— Он в столице, — также шёпотом ответила Эльга. — Согласовывает проект нашего замка с архитектором. Я его по таким мелочам дёргать не собираюсь. К тому же тут твой фронт работ.

Старший из прибывших на секунду замер перед дверью, прислушиваясь, и нетерпеливо постучал, но в ответ не раздалось ни звука.

— Откройте, господин Лихтнер, это полиция! — громко объявил он.

Эльга про себя порадовалась, что соседние номера пустуют, а звукоизоляция в отеле находится на высоте.

Магнитный замок тихо щёлкнул от прикосновения ключ-карты, дверь распахнулась, и мужчины стремительно, но без лишнего шума ворвались внутрь. Эльга вытащила телефон и предусмотрительно нашла в памяти номер городской больницы. Внутри активно топали, хлопали дверями, но всё это совершалось без слов. Звуков борьбы или сопротивления было не слышно. Тогда она осторожно заглянула в проём двери — и тут на неё налетел младший, лицо которого перекопилось от гнева.

— Говорите, где он? — с прорвавшейся, наконец, яростью прорычал молодой грубиян, прижимая Эльгу к стене.

Наверное, он ждал, что под таким напором любая испугается и начнёт оправдываться. Эдер вмешаться не успел. Эльга, впрочем, тоже. Кольцо на её левой руке на долю секунды вспыхнуло багровым всполохом, яркая искра осветила тёмный коридор — и агрессор отскочил, словно получил удар электрошокером. Впрочем, болевая реакция нападавшего Эльгу сейчас не интересовала.

Она обогнула его широкую фигуру и стрелой проскользнула в номер. В ответ на её вопрошающий взгляд стоящий в центре комнаты Эдер отрицательно покачал головой.

— Фу! — облегчённо выдохнула Эльга, пряча в карман не понадобившийся телефон. — Значит, труп у нас всё-таки нет!

— Трупа нет, — согласился Эдер. — Зато всего остального — хоть отбавляй.

И он сделал шаг в сторону, предлагая Эльге полюбоваться увиденным.

Глава 2

2. Суровое милосердие войны (XV век)

— Его нет среди мёртвых, отец, — коротко отчитался подъехавший к предводителю небольшого отряда всадник.

Через поднятое забрало шлема было видно его молодое, усталое, забрызганное кровью лицо. Тот, к кому он обратился, с трудом приподнялся на стременах, словно хотел охватить взглядом больше пространства вокруг.

— Ищите! — жёстко приказал он.

На изрытое копытами лошадей боевое поле опускалась прохладная тьма. Солнце село за гору Чонт и оставило израненный мир на откуп ночным воронам. Последние лучи ненадолго позолотили наплечники усталых воинов, закованных в чёрную броню. Ветер утих, и знамя отряда — чёрный петух со змеиным хвостом и копьём в когтистых лапах, не опущенное даже в самой гуще сражения, — бессильно повисло на древке, больше не в силах подбодрить утомлённых и измученных, но всё же оставшихся в седле всадников.

Яростный шум битвы стих, и теперь, не заглушаемый лязгом оружия и криками сражающихся, стали отчётливо слышны другие звуки: ржание искалеченных лошадей, стоны и хрипы умирающих, скрежет сдираемых с мёртвых тел доспехов, плач тех, кто нашёл своих мёртвых.

Сражение, которое должно было решить, на чьей голове окажется корона, прекратилось беспорядочно и бесславно. Не вострубили трубы, не сошлись под развевающимися штандартами полководцы Чёрной армии, ликующие крики солдат не восславили доблесть победивших. Единая грозная сила, подчинённая после смерти короля слабому, неуверенному в себе, а главное, некоронованному наследнику-бастарду, дрогнула и распалась не под натиском врага, а под грузом сомнений и измены. Ещё не проиграв свой главный бой, армия, не предавшая своего последнего полководца, оказалась сама преданной им. Не дождавшись перевеса в схватке, прихватив из полевого лагеря государственную казну, Янош Корвин, ни разу не взмахнув мечом, покинул поле боя с небольшим отрядом и отступил к городу Печ. При виде бегства главнокомандующего оставленные им войска, набранные из крестьянских ополченцев, дрогнули. Опытные наёмные отряды, ведомые командирами, присягнувшими на верность, выстояли, не дрогнув перед лицом непостоянной военной удачи. Однако с этого момента надежда на победу была полностью утрачена. Отчаянное сопротивление оставшихся ненадолго задержало противника, который, вместо того чтобы преследовать отступавших, кинулся в опустевший лагерь и принялся грабить его с азартом победителя. В какой-то момент битва распалась на множество отдельных, беспорядочных, но по-прежнему неистовых стычек, затихавших по мере взаимного истребления сражающихся.

Уцелевший отряд барона Доллаха не опустил боевого знамени, хотя за эту честь было заплачено дорогой ценой: больше половины всадников были спешены, и выживших среди них осталось немного.

— Отец, — молодой рыцарь с открытым забралом вновь обратился к барону. В его голосе послышались просительные нотки. — Лекарь ждёт!

И он показал кивком на подводу, куда воины уже погрузили тех раненых, кто ещё имел шанс выжить. Над их телами суетился маленький человечек в серой, заляпанной кровью рубахе с закатанными рукавами. На другую подводу сгружали снятые с убитых доспехи и собранное под ногами оружие.

— Подождёт, — отрезал барон. — Ищите! Он не мог покинуть поле боя живым.

Молодой всадник кивнул, развернул уставшую лошадь и двинулся прочь от небольшого лагеря, устроенного отрядом прямо в поле. Поодаль несколько крестьян, крестясь и бормоча молитвы, укладывали убитых на телеги, чтобы после отпевания похоронить тела на кладбище

у ближайшей церкви в деревеньке Хетень. Один из оруженосцев, опиравшийся на обломок копья, махнул рукой молодому Доллаху, пытаясь привлечь его внимание.

— Я видел, как господин защищал наше знамя, когда убили знаменосца, — хрипло крикнул он и указал в сторону невысокого холма, где несколько часов назад шла ожесточённая схватка. — Но там не осталось выживших.

Молодой Доллах придержал коня у группы солдат, перебиравших собранное на поле оружие. Они замерли, ожидая приказа.

— Трое со мной, — коротко приказал он. — Верхом и побыстрее. Темнеет.

— Возьмите факел, господин, — один из солдат протянул всаднику палку с паклей, пропитанной смолой. — Хороший факел! Будет ярко гореть, как огонь Святого Лазаря¹!

Грубая солдатская шутка вызвала одобрительные смешки. Усталые люди пытались бодриться, как умели. Несколько факелов вспыхнули одновременно. В их жёлтом свете лица латников казались тёплыми и живыми.

У подножия холма уже залегла глубокая тень. Лошади недовольно фыркали, чуя покойников. Молодой Доллах спешил, передал поводья оруженосцу и первым медленно пошёл вверх по холму, иногда наклоняя факел к земле и пристально вглядываясь в лежащие тела. Его спутники тоже спешили и приступили к поискам, огибая холм по спирали. Они не переговаривались, не рискуя нарушить леденящую тишину, что всегда наступала в местах особо жестоких стычек. Здесь уже не раздавалось стонов умирающих. Жестокое, но совершенно необходимое в таких случаях милосердие заставило выживших добить тех, кто сам молил о смерти. Тех, кто был не в состоянии просить о ней, добивали по суровому закону войны, иначе они всё равно бы умерли в мучениях от потери крови, жажды или были бы съедены волками. Часть мёртвых тел уже лишилась доспехов.

На других ещё оставались какие-то искорёженные части брони, которые солдаты сочли непригодными. Крестьяне и мародёры, неизбежно появляющиеся на полях сражений спустя сутки-двое, вскоре заберут и их, разденут павших донага, забрав одежду и всё более-менее ценное как плату за рытьё могильного рва. Прибудут из соседнего бенедиктинского монастыря монахи, чтобы отпеть павших.

Факел выхватывал из темноты тела убитых: уставившиеся в тёмное небо лица мертвецов, бессильно опущенные плечи лежащих ничком к земле. Некоторых приходилось переворачивать.

Вероятно, снование факелов в темноте привлекло чьё-то внимание. С другой стороны холма раздался предупредительный возглас оруженосца, и через несколько секунд небольшой, приученный к дисциплине отряд младшего Доллаха уже стоял рядом с командиром, тревожно вглядываясь в ночь и ошетилившиеся обнажёнными клинками.

— Гаси факелы! — последовал приказ.

Четыре факела одновременно упёрлись в мокрую от крови землю и с шипением погасли. В наступившем мраке пять чужих огней быстро приближались к холму. Самих всадников ещё видно не было, но опасность они тоже почуяли и придержали коней. Приказ молодого командира только что лишил их возможности узнать, какой численности отряд они встретят на вершине. Они остановились чуть поодаль, и Доллах с облегчением выдохнул: всадники пришли без копий. Впрочем, все копья конница переломала ещё в первых атаках.

Один из всадников слегка выехал вперёд, словно хотел получше рассмотреть занявший оборону отряд, и крикнул:

— Имя короля?

Доллах криво усмехнулся.

¹ «Огонь святого Лазаря» - в Средние века так называли эрготизм - отравление человека алкалоидами спорыньи - грибка, который поражал ржаной хлеб. Симптомом является сильное жжение, как в огне.

— Корвин! — прокричал он в ответ и добавил: — Покойный!

В ответ раздался одобрительный смех. Всего каких-то три месяца назад теперешние противники сражались под знамёнами одного монарха.

— Воистину, брат! — ответил всадник. — Умер Матиаш — и с ним ушла справедливость! Назови своё имя, если оно, конечно, достойно быть названным.

— Гораций Доллах! Сын барона фон Доллаха.

Всадник уважительно кивнул.

— Я видел, что барон Доллах не опустил своего знамени, — заметил он. — Но его доблесть пропала втуне. Какой смысл хранить верность слабому юнцу? Он не удержит отцовскую корону! Сдайся мне в плен, если хочешь жить, и я обещаю принять тебя со всем подобающим достоинством.

Младший Доллах на секунду замер, но потом, словно убеждённый словами говорившего, не торопясь снял с себя шлем и откинул вышитый гербами дорогой подшлемник, подставляя ночному ветру молодое, бледное от усталости и напряжения лицо.

— Тот, кто хочет пленить Доллаха, должен назвать и своё имя, — заметил он, делая шаг вперёд.

Вероятно, всадник расценил это движение как готовность подчиниться его условиям. Победителю легко впасть в самоуверенность. Он спешил, чтобы принять меч побеждённого, и махнул рукой своим людям, делая знак, что опасность миновала.

— Ты должен знать моё имя, — приближаясь, сообщил он. — Тебя пленил сам Пал Кинижи!

Остальные всадники тоже оставили седла, чтобы принять участие в победе над противником. Сдающийся маленький отряд казался им теперь лёгкой добычей.

Но его командир, Доллах, с сомнением склонил голову.

— Может ли верный присяге сдаться в плен тому, кто изменил ей, и при этом сохранить свою честь? — насмешливо бросил он. — Нет, боюсь, мне придётся отказать самому Палу Кинижи!

За его спиной раздалась одобрительные смешки.

— Ах ты щенок! — рявкнул Кинижи, выхватывая оружие.

Но в следующий момент холм на мгновение прорезала жёлтая вспышка, словно в него среди ночи ударила молния, и от неожиданности Кинижи замер с рукой, занесённой для удара, да так и остался стоять в нелепой позе с факелом в одной руке и мечом в другой.

От подножия холма со стороны маленького лагеря барона Доллаха раздался топот копыт — к отряду уже спешили на помощь.

— Не убивать, — приказал молодой командир.

Не встретив никакого сопротивления, он подошёл вплотную к застывшему Кинижи и извлёк горящий факел из его руки.

— Самому Палу Кинижи, — назидательно произнёс несостоявшийся пленник, обращаясь к своему неудавшемуся победителю, — стоило бы знать, что изображено на знамени Доллахов и какой девиз начертан на их гербе.

Отряд Доллаха обезоружил прибывших, теперь стоявших неподвижно, подобно статуям. Впрочем, речи они не лишились.

— Проклятый василиск! — прошипел Кинижи, бешено вращая глазами, и крикнул так, чтобы его было слышно и своим, и чужим: — Ты не смог бы победить меня честно!

На холм влетели всадники из лагеря во главе с самим бароном, который услышал последние слова.

— Странно слышать о чести от человека, ещё вчера стоявшего на нашей стороне, — невозмутимо заметил молодой Доллах и повернулся к отцу: — Отец, я вынужден был отвергнуть предложение господина Кинижи сдаться ему в плен.

Барон одобрительно оглядел замерших врагов и подъехал к жожаку.

— А я думал встретиться с тобой на поле боя, Кинижи, — без всякой злобы и торжества заметил он. — Жаль, что грабёж лагеря помешал вам продолжить сражение. И, судя по тому, что вы рыщете тут до сих пор, ни казны, ни короны вы в лагере не нашли.

Кинижи зло осклабился.

— Я уже сказал твоему сыну и повторю тебе: Янош не удержит корону! К чему надеяться на несбыточное? Глупо служить трусу, а ты никогда не был глуп, Доллах! Присоединяйся к нам, и я поручусь за тебя перед Уласло! С твоим чёртовым даром ты будешь принят со всеми подобающими почестями. Король Уласло будет ценить твои дьявольские способности не меньше, чем ценил покойный Матиаш. Ты сможешь достичь при нём многого. Неужто ты веришь, что бастард Матиаша сможет вернуть себе трон? Кидаться в схватку, очертя голову, без надежды на победу — дело молодых, но разве мудрость не подсказывает тебе, какому слабому подобию покойного Корвина ты присягнул на верность?

Барон презрительно посмотрел на говорившего.

— Не знаю, что сказал тебе мой сын, но, судя по тому, как нелепо ты выглядишь, я воспитал его правильно! — Он усмехнулся и продолжил: — Честь Корвина — его дело, какой бы она ни была. До твоей чести мне тоже дела нет. Но честь рода Доллахов — это моя забота.

Он отвернулся, полагая спор окончанным, и оглядел обезоруженный отряд.

— Кто тут с тобой?

Его люди уже сняли с обездвиженных шлемы. На лицах пленённых вызов мешался с испугом.

— Назови своё имя, — приказал молодой Доллах, обращаясь к одному из них, своему ровеснику.

— Молчи! — рявкнул Кинижи, но это не помогло.

— Дьёрд Кинижи! — выпалил молодой, не желая уступать в смелости и чести Доллаху, и бесстрашно добавил: — Старший сын бана² Кинижи, графа Темешского!

Молодой Доллах отвернулся, пряча кривую усмешку. Чужая бравада выглядела слишком жалкой. Самое время, беспомощно стоя соляным столпом, мериться знатностью с баронским родом! Всем было известно, что старший Кинижи происходил из низов, из самых простых, из крестьянских, и лишь доблестью и службой достиг всего, став одним из главных полководцев Чёрной армии. Сам король Матиаш посвятил его в рыцари за пролитую кровь и проявленное в бою мужество. Из уважения к воле покойного никто не стал бы попрекать происхождением того, кто личной отвагой завоевал себе герб. Но Матиаш мёртв, и с этим не поспоришь. А глупая выходка Дьёрда Кинижи только что лишила его всякой надежды на снисходительное молчание.

Старший Доллах не собирался спускать такую дерзость. Он с любопытством нагнулся, пытаясь получше рассмотреть сына Кинижи.

— Как щедро к нам сегодня удача! — презрительно воскликнул он. — Она посылает нам такого ценного заложника! Боюсь, моего баронского титула не хватит, чтобы с подобающей честью принять столь знатную и родовитую особу! Наверняка он будет приятным собеседником в нашем долгом пути, пока будет перечислять подвиги своих родовитых предков до седьмого колена.

Отряд за его спиной разразился издевательским хохотом. Лицо Пала Кинижи при жёлтом свете факелов стало тёмно-багровым.

— Ты не смеешь... — начал он. — Ты, наёмник Матиаша, не смеешь говорить о чести! Разве не за деньги ты служил покойному королю? Твои земли далеко отсюда. Что же ты с

² Бан — не дворянский титул, а название должности. Это административный и военный правитель города или области, должность высшего наместника короля, схожая с губернатором или вице-королём.

честью не подчинился своему прежнему господину? Или ты не знаешь, чьей короне раньше служили в твоей Штирии и Каринтии³?

Молодой Доллах резко развернулся, чтобы ответить, но отец остановил его взмахом руки.

— Не стоит спорить о чести с графом, — в устах старшего Доллаха титул прозвучал как очередная насмешка. — Его сиятельство имеет богатый опыт в том, как с выгодой выбрать себе короля. Нам за ним не угнаться.

Он снова обернулся к Кинижи.

— Не переживай, — бросил барон. — Я сам отец и даю тебе слово, что волос не упадёт с головы твоего сына, если ты проявишь благоразумие.

— Я дам тебе любой выкуп! — вскричал Кинижи. — Назови свою цену!

— Мне не нужен выкуп, — оборвал его барон Доллах. — Но я хочу спокойно и без помех с вашей стороны похоронить своих мёртвых, а потом довести свой отряд до цели. После этого я отпущу твоего сына на все четыре стороны.

— Куда ты двинешься? — уже куда спокойнее спросил Кинижи, удовлетворённый данным ему словом.

— Тебе лучше не знать, — ответил Доллах.

Он обернулся к своему сыну, всё ещё стоявшему рядом с Дьёрдом Кинижи.

— Ты нашёл брата?

Тот покачал головой.

— Ну так не стой тут! Мы и без тебя любезно побеседуем.

Гораций Доллах взял вновь зажжённый для него факел, чтобы продолжить поиски, и в этот момент со склона холма раздалось:

— Нашёл!

Молодой Доллах бегом кинулся на крик. Барон выдохнул, как показалось его солдатам, с облегчением и тоже поворотил коня вслед за сыном.

Отряд возобновил поиски, пока командиры были заняты пленниками, и теперь сгрудился у кучи лежащих тел, под которыми был погребён тот, кого они так долго искали. Оруженосцы расступились, чтобы дать дорогу Горацию Доллаху. Он медленно опустился на колени и хотел перевернуть лежащее ничком тело, всё ещё, как ни странно, облачённое в дорогой миланский доспех. Вероятно, тот, кто первым осматривал павших в месте, где яростней всего кипела схватка, не заметил под грудой покойников дорогу брешанскую сталь⁴.

Но стоило Горацию Доллаху коснуться плеча мёртвого, как тонкий звон неожиданно пререзал ночную тишину. Доллах одёрнул руку, но это не помогло: звон не прекратился, а продолжал нарастать, словно тонкую струну, что вот-вот порвётся, мучила чья-то безжалостная рука. И от этой струны во все стороны распространялась по воздуху какая-то неприятная вибрация, так что сам воздух вдруг перестал быть прозрачным. Убитого вмиг окутал странный, неизвестно откуда появившийся туман. Слезящимися от этой белёсой пелены глазами Доллах пристально вгляделся в лежащее тело. Видавшие и не такие виды воины на мгновение суеверно подались назад, стараясь подальше отступить от расползающегося марева. Ещё секунда — и ночная тьма задрожала и пошла волнами, как от камня, брошенного в воду. С негромким хлопком зудящий звук, наконец, оборвался, и последние хлопья морока, неярко вспыхнув, пеплом осыпались на истоптанную землю.

— Наваждение! — выдохнул кто-то из отряда.

³ После войны, которую объявил король Матиаш Корвин Габсбургам значительная часть Штирии, Каринтии, Нижней Австрии и Славонии к 1485 году ненадолго вошла в состав Венгерского королевства. В 1485 году Матиаш даже взял Вену и в 1487 принял титул Герцога Австрии. Однако, надолго удержать земли его последователям не удалось и уже в 1490 году Максимилиан I Габсбург отвоевал их.

⁴ Сталь из Брешии — города в северной Италии, в Ломбардии. Эту высококачественную сталь использовали мастера Милана, где в тот период располагался центр производства самых лучших в Европе доспехов.

Барон Доллах в мрачном предчувствии ждал завершения случившегося.

Теперь уже всем, обступившим убитого, было отчётливо видно, что скрывалось под только что развеянными чарами. Никакого миланского доспеха на теле больше не было, но на изорванном, залитом кровью табарде⁵, надетом поверх куда более скромной брони, ещё видна была вышитая чёрная птица со змеиным хвостом.

Гораций Доллах осторожно перевернул погибшего лицом вверх. Расстегнуть и снять помятый ударами шлем с заклиненным забралом оказалось непросто, но, когда это удалось, Доллах со стоном отвернулся, словно смотреть в мёртвое лицо у него не было сил.

— Мартин! — выдохнул он.

Солдаты снова сгрудились, опустив факелы, чтобы лучше рассмотреть лежащего, но в этот момент на безжизненном лице вдруг открылись молодые, совершенно безумные, уже покрытые какой-то мутной дымкой, но всё ещё живые глаза.

Кто-то вскрикнул. Доллах резко развернулся к лежащему. Барон нагнулся в седле.

— Быстро! — приказал он.

Младшего Доллаха оттеснили. Ловкими, привычными к такому делу руками солдаты принялись освобождать тело от доспехов и срезать кожаные ремни, которыми крепились латные части. Кто-то уже ощупывал через кольчугу окровавленную грудь лежащего. Но ни звука, ни хрипа не раздалось в ответ. Всё это время молодой Доллах провёл с плотно закрытыми глазами, словно боялся слишком прямым взглядом спугнуть внезапно вспыхнувшую надежду. Но она оказалась напрасной.

Самый старший из воинов поднялся и, глядя на барона, отрицательно покачал головой.

— Не жилец, — коротко доложил он.

Гораций Доллах дёрнулся, словно от удара. Барон промолчал. Воины негромко переговаривались, обсуждая увиденное: «Это оруженосец молодого Доллаха», — «А как он оказался в доспехах его брата?», — «А кто ж его знает? Ты же видел? Наваждение!», — «А где тогда Корнелий?», — «А чёрт его знает!», — «А кто же тогда защищал знамя, когда убили Барта?», — «Наверное, Мартин», — «А Корнелий?», — «Да нету тут Корнелия!».

— Мы возьмём его с собой! — безжизненным голосом приказал Гораций Доллах.

— Нет, Гор, — глухо возразил барон, впервые обращаясь к сыну по имени. — Это бессмысленно. Ты только продлишь его мучения. Мне жаль. Но это война.

Он обернулся к воинам и приказал:

— Завершите всё.

Старший воин потянулся за кинжалом.

— Нет! — Доллах остановил его руку. — Я сам. Отойдите.

Солдаты почтительно расступились.

— Я сказал: отойдите!

Они испуганно отпрянули в стороны.

Гораций Доллах снова опустился к распростёртому телу. Губы его беззвучно шевелились, но шептал ли он молитвы или проклятия, было не разобрать. Наконец он очнулся, нагнулся ниже к своему оруженосцу и, осторожно приподняв его запрокинутую голову, поймал последний взгляд затуманенных глаз. Теперь никто не увидел вспышки — только мягкое свечение, похожее на нимб святого, разлилось вокруг головы умирающего, начало бледнеть и вскоре погасло. Солдаты перекрестились. Их командир бережно закрыл мёртвому глаза и, словно спящего, приподнял тело, чтобы отнести к телеге с остальными погибшими. Ему попытались

⁵ Табард (от фр. tabarde) – короткая накидка или туника, как правило, без рукавов либо с очень короткими рукавами. Ее надевали поверх доспехов, а на ткани изображали герб, чтобы на поле боя было видно, к какому роду или сюзерену принадлежит воин. Позже табард закрепился как официальный элемент одежды герольдов.

помочь, но он резко дёрнул головой, отгоняя желающих. Ему подвели лошадь. Труп положили поперёк седла.

— Пора! — приказал барон, пристально наблюдавший за сыном.

Дьёрда Кинижи — единственного пленника — усадили на лошадь, и отряд стал медленно спускаться с холма к телегам, оставленным у его подножия. Молодой Доллах нагнал отца и молча поехал рядом, на полшага позади. Тяжело нагруженные повозки двигались медленно. Отправленные вперёд разведчики уже вернулись, подтвердив, что дорога до деревеньки Хетень была свободна. Гонец, посланный в Хетень, чтобы договориться с приходским священником об отпевании и погребении, сообщил, что могильный ров ещё не заполнен и простых воинов захоронят после заупокойной мессы, а знатных, ежели барон пожелает, подготовят в последний путь к месту погребения в родовых землях.

Барон слушал доклады, отдавал распоряжения, но иногда оборачивался, чтобы бросить на сына испытывающий взгляд. Но тот, погружённый в свои мысли, смотрел в темноту широко открытыми тёмными зрачками, в которых плясали отблески зажжённых факелов.

— Ты ничего не хочешь спросить, Гор? — не выдержал наконец отец, обращаясь к сыну. Тот отрицательно покачал головой.

— Знаешь, куда мы двинемся? — продолжил барон.

— Думаю, догадался, — Гораций Доллах кивнул на пленника, уныло трясущегося в седле по другую сторону от барона. — Чтобы нагнать Корвина в Пече, нам не понадобится бы заложник.

Барон удовлетворённо кивнул.

Сзади к ним подъехал тот воин, который осматривал покойного Мартина.

— Господин, — осторожно обратился он к младшему Доллаху, — если вы повезёте тело Мартина домой, я хочу отдать вам его медальон. Я снял его, чтобы вернуть матери.

На крепкой металлической цепочке болтался круглый, вставленный в простую оправу полупрозрачный мутно-белый камень.

— Медальон? — удивился Гор, выходя из своей задумчивости. — Я никогда не видел у него никакого медальона.

Барон резко обернулся. Его сощуренные глаза упёрлись в кристалл.

— Селенит? — Барон протянул руку, чтобы взять находку, с сомнением всмотрелся в неё и подтвердил: — Лунный камень. Да очнись ты, Гор! Лунный камень, усиливающий наваждения! Твой Мартин отродясь не был одарённым. Тем более настолько сильным, чтобы выдать себя за другого. Хотел бы я знать, чья рука надела ему на шею этот амулет! Ты запомнил след?

Гор прикрыл глаза, отводя их в сторону, словно пытался вспомнить тот самый зудящий звон одинокой струны, вспоровшей наведённый морок, и медленно кивнул.

— Я найду эту руку, — сквозь зубы тихо ответил он. — И, клянусь, я отрублю её по локоть!